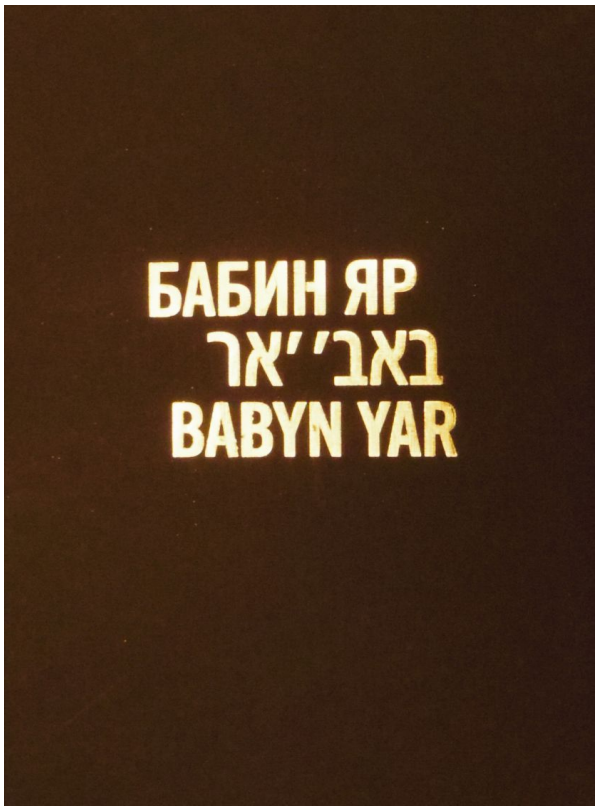
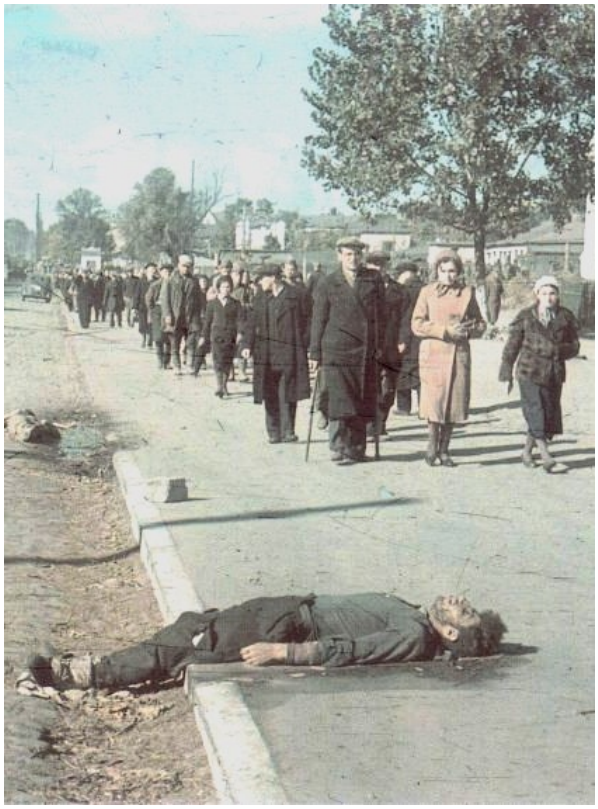
Бабий Яр после Бабьего Яра

Бульвар Шевченко, Киев, осень 1941

Бабин Яр: Історія і пам’ять

К.: Дух і Літера, 2016. — 352 с.

Столько всего сказано о Бабьем Яре, столько написано, произнесено с трибун парламентов, у подножия памятников и постаментов, что, кажется, не осталось больше слов, метафор и пафоса, чтобы развивать эту тему, давно ставшую камнем преткновения в примирении разных этносов нашего государства.

За 75 лет со дня трагедии мы получили много Бабьих Яров в литературе, живописи, скульптуре, кинематографе, музыке. А еще больше сотворено их в памяти евреев, украинцев, русских, ромов. Феномен Бабьего Яра в Украине — это борьба матриц памяти, часто полярных, а иногда враждебных друг другу. Это акцент на исключительности своей трагедии и умаление чужой. Это попытки найти одного виновного и, манипулируя смертью, в сентябре 1941-го

заполонившей Киев, «убить» политических оппонентов, предотвратив примирение народов столь многоликой и оттого привлекательной Украины. Проанализировать эти проекты, понять, какой из них ближе каждому из нас, увидеть Бабий Яр сквозь призму политики, культуры, искусства и рефлексий уцелевших евреев и очевидцев других национальностей предлагает сборник, изданный в Киеве.

Чтобы не остаться за закрытыми дверями академического сообщества и достучаться до массовой аудитории, статьи написаны в научно-популярном стиле. Предваряя различные версии и трактовки трагедии, в начале книги читателю предложено взглянуть на Бабий Яр с точки зрения географии Киева и повседневной жизни горожан еще до того, как он стал символом Холокоста в Украине. Структурно сборник можно разделить на следующие части: Бабий Яр до Бабьего Яра, Бабий Яр во время Бабьего Яра и Бабий Яр после Бабьего Яра. Самый большой из этих разделов — третий, а два предыдущих — на самом деле предисловие, поясняющее, как этот Бабий Яр после Бабьего Яра существовал в течение семидесяти пяти лет.

На разных проектах памяти концентрирует свое внимание историк Владислав Гриневич. И начинает он с семейной памяти — не только евреев, но и очевидцев других национальностей, сочувствовавших, злорадствовавших, боявшихся, доносивших. Хотя эта память первична, она легко поддается влиянию и позволяет себя корректировать в соответствии с политическими установками своего времени.

Позднее сотни и тысячи семейных памятей унифицируются, сливаясь в одну, которая насаждается государством через различные медиа, посредством запугивания и атомизации общества, где каждый может стать сексотом. Имеется в виду советский период конструирования образа Бабьего Яра и памяти или, скорее, беспамятства о нем. Период стирания еврейскости этой трагедии, обезличивания жертв, профанации смерти, пренебрежения к якобы пассивности и обреченности убитых полностью вписывается в советскую концепцию победоносности, святой необходимости умирать в битве с врагом.

Вещи убитых евреев, Бабий Яр, октябрь 1941

В СССР должны были помнить войну «торжествующей» безликой, безнациональной массы граждан с четко очерченными, преувеличенно знакомыми противниками: нацистом, врагом народа, буржуазным националистом, безродным космополитом. Именно таким безликим и обезличенным стал Бабий Яр в советском проекте памяти. Поскольку он стал первым сконструированным во властных кабинетах проектом, его влияние ощущается до сих пор, когда Украина пытается создать свой собственный.

Авторы других статей — литературоведы и искусствоведы, кинокритики и общественные деятели — анализируют эти проекты изнутри, помогая проследить, как память, созданная на основе национальной принадлежности, сосуществует с государственной политикой меморизации. Читателям предлагаются статьи известных украинских и зарубежных исследователей о рефлексиях (в поэзии, прозе, кино, музыке, живописи, скульптуре) на тему Бабьего Яра.

В то же время свидетельства и воспоминания евреев, которым удалось выжить, представляют частную память об этой трагедии, которая, несмотря на давление государства, сохранилась на уровне собственного опыта,

увиденного, прочувствованного, пережитого.

Не менее важной и очень опасной темой сборника стала проблема «права собственности» на эту трагедию. Как известно, евреям очень долго отказывали в этом праве. Собственно, всем этносам отказывали в нем, творя миф о мирных советских граждан, замученных нацистами. Как следствие, в украинском обществе идет пусть не громкая, но опасная борьба трагедий разных этносов, где своя кажется намного больше, а чужая нивелируется собственной болью. В этом смысле мы словно народы Вавилонской башни, где никто не хочет понимать друг друга, а обиженный не признает обиды другого.

Пожалуй, этот сборник создан для того, чтобы помочь украинскому читателю любой национальности увидеть в этой страшной истории не только себя, но и ближнего — еврея, рома, украинца, русского.

Леся Шевцова, специально для «Хадашот»